

Илья Инишев, Татьяна Щитцова
(редакторы)

ПРАКТИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ: современные тенденции и стратегии

2

Вильнюс
2010

УДК 101
ББК 87.2
П69

Рекомендовано к изданию :
Академическим департаментом философии ЕГУ
(протокол № 37-3/3 от 10.04.2010 г.);

Научным советом ЕГУ
(протокол № 53-7 от 13.07.2010 г.)

Рецензенты :

Куренной В.А., кандидат философских наук, заведующий отделением
культурологии факультета философии ГУ ВШЭ (г. Москва);
Мажейкис Гинтаутас, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной и политической
теории университета Витаутаса Магнуса (г. Каунас)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

П69 **И. Инишев, Т. Щитцова** (редакторы)
Практизация философии: современные тенденции и стратеги-
гии. Т. 2. Вильнюс : ЕГУ, 2010. – 228 с.

ISBN 978-9955-773-41-2.

Второй том серии «Элементы практической философии» посвящён анализу и дальнейшему развитию основных тенденций и стратегий, характерных для современной философии. Тематические контуры современного философствования задаются целым комплексом гетерогенных концепций, общим знаменателем которых служит идея «имманентной практизации». Различные модели и способы этой имманентной практизации составляют основную тему статей, вошедших в состав сборника. Книга ориентирована как на специалистов, так и на более широкий круг читателей, интересующихся современным пониманием философии.

УДК 101
ББК 87.2

Серия «Элементы практической философии»
основана в 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. ИММАНЕНТНАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ	
Владимир Фурс	
Белорусский проект «современности»?	11
Ольга Шпарага	
Закон, солидарность, власть и борьба за власть: политика в нормативном смысле слова и ее границы	29
Алена Савко	
Многомерность политического	51
Владислав Новицкий	
Практики обращения со временем: casus левых	63
Раздел 2. ПРАКТИКИ ДЕЦЕНТРИРОВАНИЯ	
Татьяна Щитцова	
Отношение взрослый-ребенок и децентрирование субъекта	99
Виталий Лехциер	
Хороший врач, или превратности децентрирования медицинского субъекта	125
Юлия Бедаш	
Гетеротопология как практическая философия	139
Галина Русецкая	
От субъекта к субъективации. Постановка вопроса в «практической перспективе» психоанализа	151
Раздел 3. ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ ТРАСЦЕНДЕНТАЛИЗМ	
Илья Инишев	
Сильные стороны слабого трансцендентализма	165
Алексей Савин	
Феноменологический метод в горизонте концепции социально-исторического мира (Эпохе в «Кризисе европейских наук» Эдмунда Гуссерля)	179
Татьяна Литвин	
Темпоральность в структуре социального действия	198
Евгений Малышкин	
Две метафоры памяти	207
Об авторах	224

Илья Инишев

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ СЛАБОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА

Одним из наиболее распространённых ныне способов позиционирования современного философствования на фоне философской традиции стало повсеместное использование префикса «пост». Сегодня, пожалуй, уже не осталось ни одного философского направления, которое не имело бы своего «пост» продолжения. Одними из последних своими «пост»-версиями обзавелись основатели и долгожители современной философии – аналитическая философия и феноменология/феноменологическая герменевтика.

Как и любая претендующая на универсальность формула, префикс «пост» имеет ряд недостатков. Наиболее очевидные и существенные из них – лёгкое ощущение дурновкусия (как следствие повсеместной и неумной эксплуатации) и недифференцированность, или, другими словами, бессодержательность. Не приветствуя интенсивное использование этого индекса, но признавая его как факт, мы попытаемся в нижеследующем охарактеризовать его содержательно и, как минимум, перечислим проистекающие из предложенной характеристики следствия для нынешнего статуса философии и философствования.

На наш взгляд, формула «философия в состоянии “пост”» допускает двоякое толкование¹. С одной стороны, она подразумевает наступление новой, «нефилософской» эпохи, или эпохи, наконец «излечившейся» от философии. Как известно, в содействии приближению этой эпохи видели свою задачу философы логического анализа языка (Венский кружок и ранний Витгенштейн), для которых философские проблемы – это не научные вопросы, а своего рода симптомы, указывающие на неверное использование языка и, как следствие, на ошибочную постановку вопроса. В итоге, единственной целью научного философствования оказывается устранение философии как таковой. Философия для логических позитивистов не партнёр по диалогу, а объект терапевтического вмешательства.

¹ Такова тема конференции в Самарском госуниверситете (апрель, 2009), на которой первоначальная версия этого текста была представлена в форме доклада.

С другой стороны, идея «пост»-философии может пониматься в значении трансформации традиционного, или «метафизического», философствования. Трансформация, которая не имеет ничего общего с категорическим отрицанием, может состоять в адаптации характерной для философии XIX века тематической и методической ориентации к изменившимся научным и социальным реалиям. Примером реализации такого понимания идеи «пост»-философии могут служить различные версии так называемого «постметафизического мышления»: от критической теории Франкфуртской школы до неопрагматизма Ричарда Рорти. В итоге, мы можем говорить о двух основных стратегиях позиционирования современной философии, соответственно, о двух формах её отношения к традиции: деструктивной и конструктивной. Первая состоит в устранении философии, другая – в продуктивном развитии потенциала, аккумулированного в некоторых направлениях философии последних двух столетий.

Примером наиболее яркой и, на наш взгляд, наиболее последовательной реализации «продуктивной», или «трансформативной», стратегии может служить судьба трансцендентализма в XX веке. В контексте идеи «постфилософии» эта судьба выглядит несколько парадоксальной. С одной стороны, трансцендентализм фигурирует в историко-философских трудах как наиболее последовательное и наиболее полное воплощение нововременного понимания философии, на которое ориентировались как «экстремистские», так и умеренные проекты «прощания с философией прошлого». Базовые черты этого понимания философии, которое нередко называют метафизическим, в своё время перечислил Ю. Хабермас. Среди них: ориентация на идею тождества, или субстанции, идеализм, трактовка философии сознания как «первой философии», наделение теории приоритетом по отношению к практике². С другой стороны, характерная для современной, или «постметафизической», философии дефляция философских амбиций (по выражению Хабермаса – отказ от претензии на привилегированный доступ к истине) составляет результат имманентного развития философского трансцендентализма от Канта до Гуссерля.

Таким образом, трансцендентализм совмещает в себе две взаимоисключающие функции. С одной стороны, он выступает в роли квинтэссенции философской традиции, или метафизики, а с

² Habermas, J. *Nachmetaphysisches Denken* / J. Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.

другой – представляет собой наиболее мощный импульс и ресурс трансформационных процессов, специфичных для современного философствования. Вкратце охарактеризуем эти две, на первый взгляд, несовместимые функции.

1. Наиболее чистым выражением метафизической традиции трансцендентализм делает претензия на эксклюзивный доступ к главному предмету интереса философских исследований – миру. В разработке «исходного» понятия мира, лежащего в основании как повседневного, так и научного опыта, а также особых способов доступа к этому миру состоит «сила» трансцендентализма. Сильный, или последовательный, трансцендентализм исходит из – во многих отношениях революционной – идеи продуктивного характера человеческого восприятия. Не только познающий (как у Канта), но и попросту воспринимающий субъект (как у Гуссерля) оказывается в состоянии динамического равновесия между активностью и пассивностью.

Если восприятие не сводится к раздражению органов чувств, а включает в себя способность к дифференцированию перцептивно-го поля (т. е. является не только чувственным, но и предметным), то оно не может не быть «активным» по отношению к воспринимаемому. Помимо перцепции, каждый акт восприятия включает в себя и артикуляцию. Однако этот апофеоз человеческой креативности оплачивается в классическом трансцендентализме ее деиндивидуализацией. Субъект «смыслоучреждающей деятельности», или, по выражению Гуссерля, конституирующий, трансцендентальный субъект – это лишённое «плоти и крови» (Дильтей) образование, субъективная проекция деиндивидуализированного объективно-научного опыта. Выражение «трансцендентальный» в этом контексте имеет со времен Канта помимо когнитивного ещё и «топографическое» значение: субъект, «конституирующий» в своих эпистемических переживаниях видимый мир, сам располагается за его пределами, в *одномерном пространстве мышления*.

2. Вместе с тем на рубеже веков ряд ключевых мотивов трансцендентализма послужил пусковым механизмом трансформационных процессов, приведших в конечном итоге к возникновению в философии масштабного антитрадиционалистского движения. К числу этих мотивов относятся, прежде всего, утверждение субъективного как мирораскрывающего и связанная с ним *универсализация перспективизма*. Интеграция этих мотивов – конституции и перспективизма – послужила отправной точкой для разработки и утверждения идеи плюрализма «конституирующих активностей»

и их локализации не за пределами мира, а в его средоточии. Открытие того обстоятельства, что не только зрительное восприятие и теоретическое мышление, но и многообразные формы дотеоретического опыта участвуют в процессе «раскрытия» мира, привело к уяснению индивидуально-исторического, посюстороннего и «эксцентричного» характера «трансцендентального субъекта». В итоге, в спектре актуальных философских дискуссий наметилась срединная линия, избегающая апорий натурализма и идеализма, столь характерных для новоевропейской философии.

Каков общий знаменатель, позволяющий привести в связь две эти кажущиеся несовместимыми характеристики трансцендентализма: трансцендентализм как квинтэссенция философской традиции и как инициатор её (конструктивного) преодоления?

Этот общий знаменатель, как нам представляется, можно «вычитать» из одной тенденции, которая кажется сквозной для всего трансцендентализма и которая, возможно, не всегда распознавалась в качестве таковой. Речь идёт о переводе онтологической проблематики в топологическую. Вопрос о бытии ставится в зависимость от вопроса о месте, вопроса о первичном и, несмотря на это, редко когда явном разграничении основных «бытийных» областей, в конечном итоге – в зависимость от вопроса об истоке любого разграничения и любого позиционирования. Пределы и характер познаваемости мира зависят отныне не от рода активности познающего субъекта, т. е. не от его установки или осознанно занимаемой *позиции*, а от взаимного расположения познающего и познаваемого, от *диспозиции*. Знание – это не только *эффект* субъективной позиции, но и *импликация* фактической, а потому не всегда явной диспозиции.

Таким образом, топологический мотив – это то, что позволяет привести к общему знаменателю метафизические и постметафизические импликации трансцендентальной философии.

Этот мотив, имея разнообразные исторические воплощения, нуждается в конкретизации. При этом конкретизация должна представлять собой своего рода инвариант, или отправной пункт, для классификации всех прочих форм и способов сопряжения воспринимающего и воспринимаемого. Такого рода инвариантную диспозицию, заключающую в себе *in potentia* все возможные конфигурации конституирующего опыта, или трансцендентальной реляции (между человеком и миром), мы предложили бы именовать медиумом, или медиальностью. Мотив медиальности, на наш взгляд, образует скрытое основание имманентного перехода

от «сильного» трансцендентализма к его «слабой» версии. Он задаёт вектор этого перехода.

Прежде чем мы разъясним идею «слабого» трансцендентализма и извлечём выводы из парадигматического значения мотива медиальности для судьбы трансцендентальной философии в целом, кратко поясним, в каком смысле мы используем такие выражения, как «медиум» и «медиальный».

Понятия медиума в нашей связи имеет четыре значения.

(1) Во-первых, медиум подразумевает некоторое неопределённое, или формальное, «между». В этом отношении, «медиум» выступает в качестве универсального («сквозного») индекса трансцендентально-философской традиции, основную тему которой составляет динамическое отношение, разворачивающееся тем или иным образом «между» субъектом и объектом познания. Таким образом, мы имеем здесь дело с *формальным* понятием медиума.

(2) Во-вторых, «медиум» – это объект-посредник. Под этим подразумевается всё многообразие инструментального сущего: от молотка до компьютера. В этом – *инструменталистском* – значении понятие медиума используется и в современных *media studies*.

(3) Кроме того, понятие медиума можно интерпретировать в значении субстрата-посредника. Примерами здесь могут служить планетарная атмосфера или текучее вещество в гидравлических устройствах. Такое представление о «медиуме» можно было бы обозначить как *атмосферическое (environmental)*.

(4) И, наконец, под «медиумом» может пониматься первичная сфера, в которой только и возможны различные дифференциации на объекты и регионы. «Медиум» в этом случае – это снимающая все противоположности и не имеющая субстрата нерегиональная стихия. Другими словами, это не объект и не среда, а исполнение, или событие определённого опыта, в котором формируются как партикулярные смыслы в сложившихся контекстах, так и новые смысловые взаимосвязи. Это понятие медиума мы предложили бы именовать *перформативистским*.

Эти четыре понятия медиума, естественно, не изолированы друг от друга. Они репрезентируют скорее «идеальные типы», между которыми возможны переходы и которые допускают гибридные формы и образуют структурную связь. Для нашей проблематики особое значение имеют пункты (3) и (4), т. е. соответственно «атмосферическая» и «перформативистская» трактовки

медиума. Эвристическое значение понятия медиума в контексте истории трансцендентализма заключается в том, что оно позволяет реконструировать логику этой истории. Это логика задаётся различными – и скорее неявными, чем явными, – представлениями о том «топосе», в котором и в качестве которого осуществляется «конституирование» окружающего мира. В этой связи понятие медиума, благодаря его многозначности и лабильности, способно послужить как общим выражением топологического измерения любого представления о трансцендентальном опыте, так и основанием для его спецификации и, как следствие, основанием для систематизирующей характеристики различных форм трансцендентализма.

Элементарная классификация, которую можно предложить на основании топологического мотива, состоит из двух элементов. Мы предложили бы различать традиционный, или *реляционный*, трансцендентализм, с одной стороны, и трансформированный, или *медиаальный*, трансцендентализм, с другой. Для первого характерна имплицитность топологического мотива, для второго, напротив, его явность и акцентированность (на что указывает само его именование). Первый понимает трансцендентальное как *отношение* (реляцию) между двумя элементами (конституирующим и конституированным), второй – как *пребывание* в своего рода насыщенной генеративной среде.

Любая реляция располагается всякий раз в некотором медиуме-среде, оказывающем на неё определяющее воздействие и при этом никогда не становящемся для неё темой в качестве медиума. Медиаальность в этом случае – своего рода нейтральная, вернее, нейтрализованная территория, низведённая до индифферентного и неприметного вместилища интенциональных актов. Нейтрализация в этом контексте – не уничтожение, а определённое кондиционирование медиума. В отличие от реляционного трансцендентализма, основывающегося на представлении о сети отношений, *медиаальный трансцендентализм* исходит из модели плотной артикулированной среды, представляющей собой не воображаемую область по ту сторону зримого мира, а, напротив, средоточие посюстороннего.

Далее мы перечислим основные формальные различия между реляционным и медиаальным трансцендентализмом, упорядочив их в соответствии с рядом аспектов.

Итак, реляционный трансцендентализм, с одной стороны, и медиаальный – с другой, различаются, *во-первых*, в аспекте «плот-

ности». Для реляционного трансцендентализма характерно имплицитное представление о сфере трансцендентального опыта как о своего рода разряженном и нейтральном пространстве, которое пересекается и заполняется различными «конституирующими» актами. При этом характер этого «пространства» обуславливается характером соответствующих «актов» трансцендентальной субъективности. В конечном итоге, сама идея конституирующего как «суверенной» субъективной активности предполагает однородный и нейтральный характер среды, в которой эта активность разворачивается. Нейтральность этой среды находит своё отражение и в её неприметности. Для медиального трансцендентализма, напротив, характерно наличие более или менее эксплицитного представления о сфере трансцендентального опыта. Эта сфера понимается как насыщенная среда, в которой «трансцендентальный субъект» не просто находится, а деятельно в ней участвует, будучи интегрированным и впутанным в её плотные смысловые связи. Та дистанция по отношению к «конституируемому», которая имеет принципиальное значение для реляционного трансцендентализма, здесь отсутствует по определению. Перформативный медиум индифферентен и первичен по отношению к различению субъективной и объективной сторон опыта.

Второй из аспектов, в которых различаются две основные формы трансцендентализма, – это аспект смысла, аспект конституирования смысла. Идея артикуляции, или «наделения смыслом», характерна для трансцендентализма как такового, невзирая на многообразие его версий и модификаций. Вместе с тем различные толкования этой идеи во многом обуславливают специфику той или иной версии трансцендентализма. Реляционный трансцендентализм ориентируется в вопросах «наделения смыслом», или конституирующей артикуляции, на модель определения, или активного конструирования. В этом отношении само понятие «наделение смыслом» генетически связано с этим типом трансцендентализма. Как известно, оно было выработано в феноменологической философии трансцендентальной субъективности. В медиально-трансцендентальном философствовании такого рода «определение» оказывается вместе с тем «самоопределением». Любой род активности и движения в одном пункте плотного и глубоко структурированного медиума моментально сказывается на нём как целом во всех аспектах и по всем направлениям.

В-третьих, реляционная и медиальная версии трансцендентализма различаются в аспекте вектора конституирующей ак-

тивности. Это различие может быть выражено при помощи двух метафор. Метафора вертикали, на наш взгляд, характеризует направленность «конституирующей» активности в реляционном трансцендентализме, метафора горизонтали, или горизонта – в медиальном.

Реляционный трансцендентализм, как известно, понимает акт «раскрытия мира», ориентируясь на модель зрительного восприятия, которое всегда перпендикулярно по отношению к перцептивному полю. Влияние этой модели оказывается негативным в том отношении, что, во-первых, она ведёт к фрагментации поля феноменов. Визуальное восприятие, как известно, селективно. Оно предполагает сосредоточение на чём-то одном и перемещение на задний план всего остального. Оно нуждается в особой дистанции, которая устанавливается исходя из оптических условий зримости, зачастую оказывающихся внешними по отношению к воспринимаемому. Восприятие следует скорее произвольной логике субъективного поведения, нежели предметной логике мира. «Конституирование» в этом случае получает слишком явные субъективистские коннотации. Оно понимается по образцу деятельности субъекта в рамках «заданного» мира. В итоге трансцендентальное оказывается обусловлено эмпирическим в аспекте генезиса своего значения.

В медиальном трансцендентализме конституирование понимается не как действие, а как своего рода участие. Строго говоря, здесь нет «источника» и тем более «субъекта» конституирования, здесь только «равнозначальные» факторы. Конституирование в рамках медиалистской доктрины следует понимать не как целенаправленное действие, а как событие, иррадирующее по всем направлениям, как самообнаружение горизонта, задающего направление для любого процесса «смыслоформирования».

С целью пояснения мы можем сослаться на повседневное словоупотребление. В высказываниях, выражающих момент восприятия горизонта, главным «действующим лицом» оказывается горизонт. Мы не говорим: «увидеть» или «обратить внимание на горизонт». Мы можем сказать: «горизонт раскрылся» или «развернулся». Более того, эти глаголы скорее используются в словосочетаниях такого рода: «на горизонте показался корабль», «на горизонте развернулся пейзаж» и т. д., что, в общем-то, лишний раз подчёркивает произвольный и несубъективный характер опыта горизонта. Трансцендентальное здесь не располагается за пределами мира. Напротив, оно составляет его средоточие. Точ-

но так же в рамках визуального опыта горизонт составляет одно из условий воспринимаемости окружающего мира и при этом сам остаётся «внутримировым». В этом отношении медиальный трансцендентализм способен выступить теоретическим обоснованием идеи «внутримировой трансценденции». Эта идея – пусть и не выражавшаяся именно в такой формулировке – оказалась, на наш взгляд, весьма продуктивной в контексте задачи преодоления традиционной оппозиции идеализма и натурализма. Подразумеваемая этой идеей «серединная линия», стремящаяся избегать обеих характерных для новоевропейской философии крайностей, вынуждает, в конечном итоге, переформатировать саму топологию трансцендентального мышления. Эта топология, как известно, предполагает категорическое разделение двух областей: имманентного и трансцендентного, внутримирового и экстрамунданного.

Тем самым, *в-четвёртых*, две версии трансцендентализма различаются в топическом аспекте. Это различие находит своё отражение в соответствующих эпитетах. Идея реляционного трансцендентализма покоится на неявном допущении двух онтологических *регионов*, способ «общения» между которыми и задаёт соответствующее представление о «трансцендентальной конституции». Процесс конституирования, который, по идее, должен быть суверенным источником любого смысла, сам основывается на заданной смысловой конфигурации, а именно на различении имманентного и трансцендентного, которое к тому же в каждой из реляционно-трансценденталистских концепций находит своё особое воплощение. Так, например, Гуссерль понимает область «чистого сознания» как особый регион. При этом он не ставит вопроса о той позиции, из которой осуществляется проведение контуров этого региона.

Топика медиального трансцендентализма совершенно иная. Медиум здесь обладает троякой функцией: он то, (1) посредством чего, (2) в качестве чего и (3) в чём осуществляется конституирование. Вследствие такой характеристики трансцендентального медиума конституированное и конституирующее не располагаются в двух разных регионах. Не располагаются они и в одном регионе. Конституирующее и конституированное здесь вообще не вступают в отношения, не образуют реляции. Трансцендентальный медиум – это не пункт за пределами мира, а, скорее, определённое состояние и событие мира. Последний тезис находит своё подтверждение в том, что упомянутые события и состояния обла-

дают не просто «посюсторонним», а повседневным характером. Таким образом, реляционный и медиальный трансцендентализм используют различные «топические» модели: модель региона, с одной стороны, и перформативного медиума – с другой. Первая модель характерна для «сильной» версии трансцендентализма, вторая – для «слабой». Что же такое слабый трансцендентализм и в чем состоят его «сильные стороны»?

Слабый трансцендентализм – не конструкция и не проект. Он уже имеет довольно продолжительную историю, и его тематический профиль в общих чертах сформировался, несмотря на всю его открытость будущему.

С исторической точки зрения, формулировка «слабый трансцендентализм» находит своё воплощение в ряде фактических направлений в современной философии: в феноменологической герменевтике, аналитической «философии нормального языка», философском и социально-теоретическом неопрагматизме, современной эстетической теории. К основным тематическим областям *слабого трансцендентализма* относятся разнообразные случаи «внутримировой трансценденции»: взаимосвязь «мирораскрывающей» и коммуникативной функций языка, интегративный потенциал повседневных ритуалов, многообразие эстетических практик и их значение для социальной жизни, смыслопорождающая и манипулятивная сила зрительных образов и т. п.

Идея трансцендентального медиума, или медиальной трансценденции, примечательна и с логической точки зрения. В логико-семантическом отношении она представляет собой парадоксальное образование, воплощая в себе то, что можно назвать «единичным общим». Общее здесь неотделимо от единичного. Пожалуй, само противопоставление единичного и общего здесь преодолевается. Общее воплощено и разомкнуто (как в направлении прошлого, так и в направлении будущего) в медиально-трансцендентальном процессе, осуществляющемся «внутри» мира и притом в качестве узнаваемых практик, являющихся хотя и экстраординарной, но всё же частью повседневности. «Трансцендентальный медиум» – это насыщенная и динамичная среда смыслопорождения, требующая деятельного участия со стороны индивидуумов и разновеликих сообществ. Синонимами так понимаемого трансцендентального медиума в новейшей философской традиции выступают такие понятия, как жизненный мир, фактичность, языковая игра. Интегративный характер трансцендентального медиума находит своё отражение и в том обстоятельстве,

что такие объекты философских исследований, как слово, образ и социальное действие, составляют в конечном итоге единый тематический комплекс. В этой связи вполне достаточно сослаться на работы Витгенштейна и Гадамера, для которых вербальное, визуальное и социально-практическое составляют взаимосвязанные измерения единого опыта.

В чём же заключаются сильные стороны «слабого», или медиального, трансцендентализма? В нижеследующем мы ограничимся лишь перечислением, разделив их на (а) теоретические, или дисциплинарные, и (б) практические, или трансдисциплинарные.

(а) К теоретическим преимуществам, предоставляемым трансформацией реляционного трансцендентализма в медиальный, относится, прежде всего, появление возможностей для новых теоретических синтезов. В частности, речь идёт о синтезе проблематик языка, социального действия и визуального образа. Слово и визуальный образ обладают коммуникативной природой, производя новые смысловые тотальности и при этом постоянно отсылая друг к другу. Оба они конфигурируют смысловые линии как теоретического, так и практического опыта человека.

Другое важное преимущество медиального трансцендентализма – преодоление теоретических апорий философии прошлого. Под вопросом оказываются такие традиционные и казавшиеся незыблемыми оппозиции, как трансцендентальное/феноменальное, материальное/формальное, единичное/всеобщее, контекстуальное/универсальное, а главное – теоретическое/практическое. Все они возможны только на основании разнонаправленной артикуляции и дифференциации первоначально единой медиально-трансцендентальной сферы, единство которой периодически и на непродолжительное время восстанавливается при осуществлении определённых форм повседневного опыта. Отсюда третий аспект: *тенденция* к «практизации», внутренне присущая последовательному медиальному трансцендентализму.

(б) Практический аспект «сильных сторон» медиального трансцендентализма представлен, *во-первых*, расширением и переопределением таких понятий, как активность, производство и действие. Расширение и переопределение при этом состоит в том, что на смену «транспозиции», или квазипространственному перемещению, представляющему собой давно сформировавшийся общий семантический знаменатель упомянутых понятий, приходит другой: «модификация». Модификация – в отличие от транспозиции – это своеобразное движение без движения, или производ-

ство без расхода ресурсов. Если и можно говорить здесь о производстве, то это скорее производство ресурсов. «Модификация» в этом контексте – это не столько использование имеющихся возможностей, сколько генерирование новых. Эти возможности генерируются при деятельной интеграции в новые социальные связи, осуществлении разнообразных общественных ритуалов, а также в языковой коммуникации, опыте искусства и т. п.

Во-вторых, слабый трансцендентализм стимулирует формирование нового режима рефлексии. Теоретический дискурс приходит в продуктивное столкновение с иными формами речи, которые зачастую рассматривались в качестве его полной противоположности, – прежде всего, с разнообразными формами наррации, обладающими модификационным эффектом, т. е. не просто осуществляющими трансферт информации в пределах сформировавшихся регионов мышления и действия, а производящими риторическое и образное высвобождение новых мест обитания. *В-третьих*, «последовательно слабый» трансцендентализм ведёт, в конечном итоге, к «переприсвоению» потенциала конституирования, которым прежде безраздельно владел трансцендентальный субъект, и к его прагматически, т. е. посясторонне мотивированной, «мобилизации».

В заключение мы кратко охарактеризуем коммуникативный, или социально-интегративный, потенциал слабого трансцендентализма. Этот потенциал основывается на идее структурной связи межличностной *коммуникации*, «трансцендентально-медиального» *конституирования* и эмоционально фундированной *социальной интеграции*. При этом под коммуникацией – в отличие от теории коммуникативного действия Хабермаса – понимается не только непосредственное языковое общение, но и разнообразные формы опосредованного, например, визуальными содержаниями социального взаимодействия. Такие опосредованные и зачастую дистанционные формы интеракции могут, тем не менее, обладать значительными возможностями в сфере социальной интеграции. Например, участие в стандартизированном общественном ритуале или восприятие содержательно и нормативно насыщенных образов представляют собой формы коммуникации, которые хотя и не являются непосредственными в обычном смысле этого слова (коммуникацией «лицом к лицу»), однако обладают более значительным по сравнению с дискурсивными практиками интегративным эффектом. Этот интегративный эффект связан с «медиализацией» процесса коммуникации, происходящей в подобных

случаях. Медиализация не означает здесь гиперболизацию роли разнообразных, прежде всего технических, посредников коммуникации. Медиализация подразумевает формирование специфической «ткани», включающей в себя субъектов, содержание и материальный аспект коммуникативного опыта.

Следует заметить, что материальное здесь – это не просто носитель смысла, а интегральное основание всего коммуникативного процесса. Материальное инвестирует в смысловые взаимосвязи и активирует эмоциональную составляющую, опережающую и несущую на себе любые формы дискурсивного взаимопонимания. Не имея возможности входить здесь в подробности, мы сошлёмся на два наиболее очевидных случая коммуникативного опыта, демонстрирующих подобную функцию материальной составляющей и тем самым поясняющих идею медиализации. Речь идёт о диалоге и восприятии образа. Как в случае диалога, осуществляющегося посредством устной или письменной речи, так и в случае двумерного образа, независимо от техники его производства, материальное обладает особой – и, если угодно, цементирующей – функцией. С помощью ограниченного набора звуков или графических средств мы способны создавать и транслировать целые миры, а также устанавливать и выражать интересубъективные связи. Звук языка – это не физическое свойство речи, подобно тому как краски на холсте – не свойство картины как физического объекта. Несколько цветовых пятен порою достаточно, чтобы сделать видимым и общедоступным то, что не имеет видимого предела. Всеобщие положения высказываются в пространстве ограниченного набора – по сути, случайных – звуков. При этом ни звуки, ни краски не выделяются на фоне содержательного и смыслового и не отделяются от него. Изучение этих и многих других случаев «внутримировой трансценденции» могло бы стать одной из задач «слабого трансцендентализма».

Что же касается «субъективного» аспекта медиализации, здесь следует обратить внимание на возможность выхода за пределы понятийной оппозиции «субъективное – интересубъективное». Как нам представляется, идея медиально-трансцендентальной сферы, формирующейся в контексте разнообразных внутримировых практик смыслоучреждения, позволяет говорить о своего рода внутрисубъектной интер- или транссубъективности. Производство и восприятие образных и языковых содержаний, как и другие формы «медиально-трансцендентального опыта», обладают двояким эффектом: связанный с ними процесс «субъективации» (актива-

ции и семантического уплотнения габитуальных форм самосознания) сопровождается активацией прежних и учреждением новых форм intersубъективных связей. Преступание границ партикулярного и субъективного происходит в самом партикулярном и субъективном: в «единичном общем» поэтического или философского текста, образа, музыкальной или архитектурной композиции, погребального или свадебного ритуала. Многие из неприметных повседневных действий – даже если они осуществляются в полном одиночестве – представляют собой формы кооперативного открытия и переоткрытия такого «единичного общего». Равнодействующая этих форм открытия и переоткрытия и составляет то, что в новейшей философской традиции именуется жизненным миром.

ОБ АВТОРАХ

Юлия Бедаш – магистр философии, лектор департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс). Основные публикации: Пространственная идентичность в эпоху глобализации // *Топос*. 2006. № 1(12). С. 169–174; Глобализация и нормативность пространства // *Man and the Word. Philosophy. Research papers*. 2007. Vol. 9, № 4. Vilnius, 2007. S. 35–49; Опыт различения и генезис национализма // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук*: сб. науч. тр. Вып. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 7–20; Пространство как проблема постметафизической философии // *Топос*. 2009. № 1(21). С. 94–113.

Адрес эл. почты: yuliya.biedash@ehu.lt.

Илья Инишев – кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре Государственного университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). Основные публикации (монографии): *Чтение и дискурс: трансформации герменевтики* (2007); *Практический поворот в постметафизической философии* (в соавторстве с Е. Борисовым и В. Фурсом), раздел «Феноменологическая герменевтика между теорией языка и теорией действия» (2008).

Адрес эл. почты: inishev@gmail.com.

Виталий Лехциер – доктор философских наук, профессор философии Самарского государственного университета. Основные публикации (монографии): *Введение в феноменологию художественного опыта* (2000); *Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности* (2007).

Адрес эл. почты: lekhtsiervitaly@mail.ru.

Татьяна Литвин – кандидат философских наук, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета. Основные публикации: *Zeit und Bewegung im Problembereich der transzendentalen Ästhetik bei Husserl* // *Топос*. 2009. № 2–3(22–23). С. 87–94; Актуальность как свойство прошлого в учении о времени Бл. Августина // *Топос*. 2009. № 1(21). С. 5–12; Подобие и образ в философии Августина Аврелия // *Подобие и подражание в средне-*

вековой культуре. СПб, 2009. С. 57–74; Трансцендентальный эстезис времени // *Модусы времени: социально-философский анализ*. Сб. ст. СПб., 2005. С. 5–22; Экзистенциальность в мышлении // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2003. Сер. 6. Вып. 2 (№ 14). С. 42–46.

Адрес эл. почты: littatiana@gmail.com.

Евгений Малышкин – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета. Основные публикации: Трудный рационализм // Сретенский Н.Н. *Лейбниц и Декарт*. СПб.: Наука, 2007. С. 158–181; Мышление, память и страх в метафизике Т. Гоббса // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Философия, Политология. Социология. Психология. Международные отношения. С. 54–62; О сатирах, козлах и уникальности // *Докса*. Зб. наук. прац з філософії та філології. Вип. 7. Одеса, 2005. С. 25–31. Автор переводов: Йейтс Ф. А. *Искусство памяти*. СПб.: Университетская книга, 1997; Де Ман П. *Слепота и прозрение*. СПб.: Гуманитарная академия, 2000.

Адрес эл. почты: malyshkin@yandex.ru.

Влад Новицкий – магистр философии, лектор департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс); куратор бакалаврской программы «Социальная и политическая философия» (ЕГУ). Основные публикации: «Poor in memory»: How the Past Brings the Self and the Other Together // *East/West Journal*. Kharkov, 2009. P. 25–47.

Адрес эл. почты: uladzislau.navitski@ehu.lt.

Галина Русецкая – магистр философии, преподаватель Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс). Основные публикации: Стратегії і форми особистісної ідентифікації в контексті соціальних змін // *Нація у перехідному стані: механізми трансформації*. Київ. 2003. С. 221–239; Стилiзація як спiсiб утворення соціального почуття // *Мультиверсум*. Філософський альманах. Київ. 2002. С. 139–146; Искусство и социальные практики: борьба достоверностей // *Искусство и философия*: Матер. междунар. науч. конф., посв. столетию со дня рождения Сартра и Левинаса. Мн., 2007; Политика идентичности через работу смысла // *Современное общество как проблемное поле социальных наук*. Матер. науч. конф., посв. 85-летию БГУ. Мн., 2007. С. 172–175; Материалы

«круглого стола» на тему «Философия: преподавание невостребованного знания?» // *Топос*. 2009. № 1(21). С. 142–146.

Адрес эл. почты: ruset@bk.ru.

Алексей Савин – доктор философских наук, профессор философии Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). Основные публикации: *Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля* (2008) (монография); Эпохе и трансцендентальная редукция в лекционном курсе Гуссерля «Первая философия» // *Топос*. 2009. № 2–3(22). С. 7–32; Становление идеи феноменологии как трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля // *Вестник РГГУ*. Сер. «Философия». 2008. № 7. С. 51–65; Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // *Вопросы философии*. 2008. № 5. С. 127–139.

Адрес эл. почты: savin@pochtamt.ru.

Алена Савко – лектор департамента философии Европейского гуманитарного университета. Основные публикации: Рецензия на книгу Энтони Гидденса «Трансформация интимности» // *Топос*. 2006. № 1(12). С. 181–185.

Адрес эл. почты: alena.sauko@ehu.lt.

Ольга Шпарага – кандидат философских наук, доцент департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс); редактор интернет-журнала «Новая Еўропа» (<http://n-europe.eu>). Основные публикации: *Wie überwindet man das Imperium? Oder: Zur europäischen Geschichte der Freiheit* // H.-B. Gerl-Falkovitz, S. Gottlöber, R. Kaufman, H.R. Sepp (Hrsg.) *Europäische Menschenbilder*. Universitätsverlag&Buchhandlung Thelem, 2009. S. 227–237; *Über die «europäische Identität» der Belarussen* // W. Feichtinger, M. Malek (Hrsg.) *Belarus zwischen Russland und der EU. Sowjetische Vergangenheit, autoritäre Gegenwart – demokratische Zukunft*. Vol. 9. Wien: Schriftreihe der Landesverteidigungsakademie, 2008. S. 35–52; *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели*. Сост. и науч. ред. О. Шпарага. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 280 с.

Адрес эл. почты: olga.shparaga@ehu.lt.

Татьяна Щитцова – доктор философских наук, профессор философии Европейского гуманитарного университета; руководитель

Центра исследований по философской антропологии ЕГУ; главный редактор философско-культурологического журнала «Топос». Основные публикации (монографии): *К истокам экзистенциальной онтологии: Паскаль, Киркегор, Бахтин* (1999); *Событие в философии Бахтина* (2002); *Memento nasci: сообщество и генеративный опыт. Штудии по экзистенциальной антропологии* (2006). Автор переводов: Ясперс К. *Введение в философию* (2000); Киркегор С. *Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам* (2005).

Адрес эл. почты: tatiana.shchytsova@ehu.lt.

Научное издание

Инишев Илья, Щитцова Татьяна
(редакторы)

**Практический поворот
в постметафизической философии**

Том 2

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*
Корректор *С. Калиновская*
Компьютерная верстка *О.Э. Малевича*
Дизайн обложки *Т.Ю. Таран*

Издательство
Европейского гуманитарного университета
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: office@ehu.lt

Подписано в печать 14.07.2010 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,26. Тираж 200 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius